

УДК 34(09);008

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-4

Пенская Т. М.

**СУДЕБНИК ИВАНА III: ИСТОЧНИК РУССКОГО ПРАВА
ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК?
(ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ
ГЕРМЕНЕВТИКИ)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Судебник Ивана III, составленный в 1497 г., на протяжении более двух столетий находится в поле зрения отечественной и мировой историографии. За это время выработалась и вполне устоялась традиция, в соответствии с которой Судебник рассматривается как свод документов, который являлся одним из основополагающих для русской юриспруденции позднего Средневековья и раннего Нового времени. Перемены первых десятилетий XXI в. в сфере методологии исторического знания и становление междисциплинарных исследований в историографии русского права позволяют выявить новые смысловые грани известного источника. На пересечении классической социальной и политической истории, истории государства и права и источниковедения, в междисциплинарном познавательном контексте становятся возможны вопросы о формах и особенностях присутствия документа в русской правовой культуре. В предлагаемой статье Судебник рассматривается с учетом вновь возникающих методологических возможностей. Обосновывается, что этот свод русского права в русском историческом правовом поле существовал наряду с правовым обычаем, отнюдь не доминируя, а скорее, уточняя и дополняя его. Учитывая особенности его бытования в книжной среде, можно утверждать, как показывается в статье, что Судебник Ивана III был не только и не столько автономным источником русского права, сколько неотъемлемой частью целостной русской книжной традиции.

Ключевые слова: государство раннего Нового времени; Россия; Иван III; Иван Грозный; Судебник; правовая культура

Для цитирования: Пенская Т.М. Судебник Ивана III: источник русского права или литературный памятник? (опыт историко-культурной и юридической герменевтики) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 39-50. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-4

T. M. Penskaya

**THE CODE OF LAW OF IVAN III: A MONUMENT
TO RUSSIAN LAW OR A NARRATIVE DOCUMENT?**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Sudebnik (The Code of Law) of Ivan III, compiled in 1497, has been in the field of view of Russian and world historiography for more than two centuries.

During this time, a historiographic tradition has developed and is well established. In accordance with it, Sudebnik is considered as a set of documents, which was one of the fundamental for Russian jurisprudence of the late Middle Ages and early Modern times. The changes of the first decades of the XXI century in the field of the methodology of historical knowledge and the formation of interdisciplinary research in the historiography of Russian law allow us to identify new semantic facets of a well-known source. At the crossroads of classical social and political history, the history of state and law and source studies, in an interdisciplinary cognitive context, questions about the forms and features of the document's presence in Russian legal culture become possible. In the proposed article, Sudebnik is explored in the light of newly emerging methodological possibilities. It is proved that this code of Russian law in the Russian historical legal field existed along with the legal custom. Moreover, it did not dominate the custom, but rather, clarified and supplemented it. Given the features of its existence in the Russian book environment, it can be argued, as the article shows, that the Code of Law of Ivan III was not only and not so much an autonomous source of Russian law, but an integral part of a holistic Russian book tradition.

Keywords: Early Modern State; Russia; Ivan III; Ivan the Terrible; Judicial Book; legal culture.

For citation: Penskaya, T. M. (2019), "The Code of Law of Ivan III: a monument to Russian law or a narrative document?", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (4), 39-50, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-4-0-4

В Типографской летописи под 7006-м (1497/1498) годом помещена запись, согласно которой «того же лета князь великий Иван Васильевич и околничим и всем соудьям, а уложил соуд судити бояром по судебноку» (Типографская летопись, 2000: 213). Эта весьма лаконичная и неясная запись – одна из немногих, в которых сообщается о принятии знаменитого Судебника Ивана III¹. Эта летописная запись, попав в конце XVIII столетия на глаза князю М.М. Щербатову (Щербатов, 1783: 301), положила начало более чем двухсотлетней традиции изучения этого правового кодекса отечественной исторической и юридической наукой.

Ограниченный объем статьи не позволяет сделать обстоятельный историографический обзор проблемы, да и так ли уж он необходим, поскольку его неоднократно делали до нас? (См., напр.: Алексе-

ев, 2019: 334-379). Отметим, правда, что Ю.Г. Алексеев, внесший существенный вклад в изучение этого исторического памятника, отмечал, что «более чем двухвековое изучение Судебника представляет собой достаточно содержательный историографический феномен, отражающий основные этапы развития русской исторической мысли от времен М.М. Щербатова до наших дней» (Алексеев, 2019: 379). И хотя эти слова были написаны, почитай, два десятка лет назад, тем не менее, они сохраняют свое значение и по сей день – изучение Судебника Ивана III не прекращается, и исследователи продолжают находить в нем, говоря словами историка, «новые грани и оттенки» (см., напр.: Калашникова, 2016: 286-293; Петров, 2016: 294-307; Судебник, 2000). Впрочем, это и немудрено. Новые поколения исследователей подходят к изучению этого текста с новыми «вопросниками» (выражение А.Я. Гуревича) и новыми методиками, что, естественно, не может не привести к попыткам взглянуть на Судебник Ивана III

¹ А.Н. Насонов упоминал, что практически идентичные упоминания о Судебнике 1497 г. есть еще в двух летописях, Троицкой и Архангельской (Насонов, 1969: 384).

под иным, чем прежде, углом зрения с соответствующими последствиями в виде новых дискуссий и обсуждений².

Одним из спорных моментов в истории Судебника, который достаточно давно обсуждается историками (см., напр.: Поляк, 1955: 383-384), является так называемый «казус 1503 года» – дело о поджоге деревни (Судный список..., 1958: 342-343), принадлежавшей суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. Приговор по этому делу явно не совпадал с соответствующей нормой Судебника 1497 г. Из этого любопытного казуса К.В. Петров сделал не менее любопытный вывод (который вызвал критику со стороны С.Н. Кистерева) о том, что нормы, закрепленные в Судебнике, носили рекомендательный характер и что эта рекомендательность была связана с не устоявшимся еще в тогдашней Руси безусловным приоритетом «закона» над «справедливостью» (Петров, 2005: 172-174). В свою очередь, отмечал историк, эта двусмысленность объяснялась слабостью верховной власти и государства, не способных на данный момент гарантировать исполнение своих требований.

В этой связи нельзя не вспомнить о набравшей силу в последние десятилетия на Западе тенденции рассматривать пресловутые «централизованные» государства позднего Средневековья – раннего Нового времени как «недоцентрализованные», достаточно рыхлые и внутренне неконсолидированные, «лоскутные» (composite) политики. Эти «составные» монархии были основаны на взаимном согласии между короной и правящей элитой на местах, которое давало даже самым произвольным и искусственным политическим образованиям определенную стабильность и устойчивость, – отмечал британский историк

Дж. Эллиотт (Elliott, 1992: 57). Краеугольным же камнем этой политической и правовой системы, как отмечали Дж. Брюэр и Э. Хелльмут, являлись прежде всего переговоры, а не насилие (впрочем, переговоры отнюдь не исключали насилия, хотя последнее и рассматривалось как нежелательное и нарушающее привычный ход вещей явление) (Brewer, Hellmuth, 1999: 12). При этом основой, на которой выстраивались отношения между короной и местными элитами, была традиция, обычай, соблюдать которые в обмен на лояльность новых подданных обязывалась верховная власть.

Русское государство позднего Средневековья – раннего Нового времени, «самодержавно-земская монархия», как ее характеризовал С.П. Мельгунов (Мельгунов, 1907: 16), на наш взгляд, может рассматриваться как обычное «недоцентрализованное» европейское государство с некоторыми отличиями, конечно же, продиктованными особенностями его складывания и последующего развития. В этом государстве, как и в западноевропейских (и не только) «лоскутных» монархиях, верховная власть была вынуждена, как выразилась К. Барки, «делить контроль с разнообразными посредническими структурами и местными элитами, религиозными организациями и органами местного управления, а также с другими многочисленными привилегированными институтами» (Barkey, 2008: 10). Сравним, кстати, это высказывание с мнением Н.Н. Покровского, который отмечал, что в Русском государстве раннего Нового времени «система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дво-

² Примером такого заочного диспута, который возник при нестандартном подходе к изучению места Судебника в системе русского законодательства позднего Средневековья – раннего Нового времени, может быть обмен мнениями между К.В. Петровым и С.Н. Кистеревым (Кистерев, 2007: 240-261; Кистерев, 2008: 383-406; Петров, 2005: 167-174; Петров, 2008: 365-382).

рянские корпорации-“города” и пр. – Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» (Алексеев, 1991: 5-6). Здесь необходимо отметить, что речь идет именно о слабости государства как институционального образования, но не о власти конкретного государя. На наш взгляд, и в эпоху Средневековья, и в эпоху раннего Нового времени субъективный фактор, а именно личность самого государя, играла во властных отношениях немаловажную, если не определяющую роль. К.В. Петров отмечал в этой связи, что «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». Одним словом, подытоживал историк, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения» (Петров, 2008: 376).

Естественно, что в этих условиях, когда верховная власть была слабой и вынуждена была опираться на поддержку со стороны «земли», обычай, выступавший в качестве основного свода правил, регулирующих отношения внутри традиционного общества, неизбежно сохранял свой особый, независимый от закона статус и продолжал свое существование параллельно с ним. «Рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа» – писал по этому поводу А.Н. Филиппов, обосновывая тезис о «двояначалии» (закон и обычай) русского права в «московский» период его развития (Филиппов, 1876: 58). Естественно, что по мере наращивания государством своей «мускулатуры» (властной инфраструктуры), своего влияния, закон теснил обычай, ото-

двигая его шаг за шагом на второй план, но процесс этот был не скорым, и уж во всяком случае, в конце XV – начале XVII вв. был еще очень и очень далек от своего завершения. Однако пока этот процесс находился в развитии, представляется правильной оценка К.В. Петрова, что подданные Ивана III (и его ближайших преемников) и «не подозревали, что требования Судебника могут иметь безусловный приоритет перед обычаями и моральными нормами» (Петров, 2008: 377), ну а сами московские государя, по меткому выражению М.А. Дьяконова, «еще не сознают, что их воля может творить право», поскольку «в их глазах *всякое право должно иметь санкцию старины*» (курсив мой. – Т.П.) (Дьяконов, 1908: 207).

Мы не случайно выделили последний фрагмент цитаты из работы известного русского историка и правоведа. Русское общество позднего Средневековья – раннего Нового времени, будучи патриархальным и аграрным в своей основе, имея соответствующие ментальные установки, несомненно, было весьма консервативно и привержено «старине». С полным на то основанием его можно отнести к «холодным» обществам К. Леви-Стросса, которые, по словам ученого, «желают его (неизбежный процесс развития, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни. – Т.П.) игнорировать и *пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими “первичными” относительно своего развития* (курсив мой. – Т.П.)...» (Леви-Стросс, 2008: 439). «Старина» обладала в глазах как общества, так и власти, высшим и непререкаемым авторитетом – как отмечал М.А. Дьяконов, «ненарушимость старины была общим лозунгом правительства и всех общественных слоев», при этом воля государя, продолжал историк, «не только не исключает действия обычая, но и сама себя ставит под защиту и под санкцию обычая» и этим «государя показывают, что свой авторитет они ставят ниже авторитета

пошлины или старины» (Дьяконов, 1908: 202).

Но какой была «старина» в нашем случае? Любопытные наблюдения сделал В.М. Живов, анализируя процессы формирования правосознания и правовой сферы на Руси в сравнении с Западной Европой. Сравнивая развитие средневекового социума в Западной Европе и на Руси, он отмечал, что, в отличие от Западной Европы, «Киевская Русь римской прививки не получает, легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает. Не делает этого, естественно, и наследующая ей Русь Московская, еще более отделившаяся от чужого римского прошлого» (Живов, 2002b: 296). Связано это было, на наш взгляд, с тем обстоятельством, что средневековая русская цивилизация формировалась на своего рода «культурной целине», тогда как западноевропейская развивалась, имея под собой прочный римский «фундамент». Как результат, писал В.М. Живов далее, «в то время как западная средневековая культура непредставима без многообразных юридических институций (юридических корпораций, изучения права в университетах, взаимодействия юридической науки и правоприменительной практики), которые, разрастаясь и модифицируясь, переходят в государственные институции Нового времени», на Руси ничего подобного не случилось, и «не появляются эти институции и в раннее Новое время» (Живов, 2002b: 294).

Почему так получилось? Исследователь формулирует ответ на этот вопрос следующим образом – если германцы, расселившись на территории бывшей Западной Римской империи, со временем стали наследниками ее культурной традиции, то «средневековая Русь никогда сонаследницей имперской цивилизации не стала». Почему? По двум, как полагал В.М. Живов, причинам. Первая заключалась в том, что, «у Византии не было никакого желания с кем-либо этим наследием делиться» (Ср.: Иванов, 2003: 339-344), а вторая состояла в

том, что «Киевская Русь особого интереса к апроприации имперских (античных) богатств не проявляла» (Живов, 2002b: 295). И связан этот слабый интерес не в последнюю (если не в первую) очередь, по мнению исследователя, с особенностями самой византийской культурной традиции и, как следствие, последующей ее рецепции на Руси.

Выделив в византийской культурной традиции две «линии», «гуманистическую» и «аскетическую», различавшихся отношением к античному наследию (в том числе и к римскому легальному дискурсу), В.М. Живов пришел к выводу, что на Руси была унаследована по преимуществу вторая. При этом, отмечал он далее, «на Руси сложилась принципиально иная, нежели в Византии, система образования». Если у греков сохранились традиции светского образования (пусть и в неполном, варваризованном, «кухонном» виде, но все же), предполагавшего изучение античной традиции, то на Руси дело обстояло иначе. «На Руси образование носило исключительно катехитический характер: образование не вырастает здесь, как в Византии, – писал он, – из античной традиции, а поначалу целиком связана с миссией». Естественным образом это не могло не отразиться на составе раннесредневековой (под нею мы понимаем домонгольский период в истории Русской земли. – Т.П.) русской книжности – «подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы», причем, подчеркивал ученый, «по своему объему этот корпус соответствует *средней византийской монастырской библиотеке* (курсив мой. – Т.П.) типа библиотеки монастыря Св. Иоанна Предтечи на Патмосе». Неизбежным следствием этого стало то, что «элементарное образование [на Руси] сводилось лишь к овладению чтением, ориентированным на тот же корпус религиозных текстов», и в этом образовании, по мнению В.М. Живова, «не было места ни грамматике, ни, естественно, разбору классических текстов, ненужных и неизвестных в славянском переводе»

(Живов, 2002с: 81-82). И еще одно важное, на наш взгляд, наблюдение было сделано исследователем применительно к особенностям «рецепции» византийского права (не церковного!) на Руси. В.М. Живов отмечал, что «византийские юридические кодексы в славянском переводе существовали как *памятники книжной письменности*, ... переписывались и читались как *памятники христианской культуры, приобщавшие славянские народы к наследию византийской духовности* (курсив мой. – Т.П.)». Этот подход неизбежно вел к тому, что, по словам ученого, «когда право оказывается вознесено до уровня религиозной истины, его практическое применение оказывается вполне второстепенным предметом» (Живов, 2002b: 226-227, 231).

При таком раскладе стоит ли удивляться тому, что римский легальный дискурс, пусть и в упрощенном византийском изводе, на Руси не привился и не получили, соответственно, распространения характерные для средневековой западноевропейской культуры юридические институты, отмеченные В.М. Живовым. И стоит ли после этого удивляться тому, что, как отмечал британский славист С. Франклин, касаясь проблем освоения письменности на средневековой Руси, «развитие письменности шло на крайних территориях, максимально удаленных друг от друга: с одной стороны, в самых торжественных и формализованных религиозных ритуалах; с другой стороны, в суете финансовых и даже домашних дел, определявших неформальную жизнь города». И «между двумя этими полюсами располагалось пространство, – продолжал дальше историк, – хотя и не закрытое наглухо, но все же освоенное в малой степени» (Франклин, 2010: 477). Именно в это пространство между «сакральной» церковной письменностью и книжностью с одной стороны, и «обыденной», «повседневной» письменностью с другой, попадает письменность «светская», «формальная административная» письменность, к которой мо-

жет быть отнесен, на наш взгляд, с полным на то основанием и Судебник Ивана III.

Эта «светская письменность», отмечал С. Франклин, в средневековой Руси «была институционализирована в минимальной степени», и это вело к тому, что «никакого светского органа управления, чей авторитет и функционирование основывались бы на письменных предписаниях и операциях, не возникло» (Франклин, 2010: 475-476). Отметим в этой связи наблюдение, сделанное отечественным историком М.М. Кромом. Характеризуя особенности работы зарождающейся приказной бюрократии во времена пресловутого «боярского правления», он отмечал, что масштаб исходящего из центральных государственных структур потока грамот и иных актов материалов соответствовал примерно уровню бюрократизации управления Французским королевством XIII в. (Кром, 2010: 374).

Отмеченное М.М. Кромом обстоятельство, однако, по мнению С. Франклина, «никоим образом не говорит об отсталости и неразвитости светских учреждений». Оно указывает, продолжал историк дальше свою мысль, лишь «на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при “логическом” (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» (Франклин, 2010: 476. Ср.: Франклин, 2010: 320).

Так какое же место в этих «традиционных социальных отношениях» и связанных с ними «традиционных способах общественного контроля» занимал Судебник Ивана III? Складывается впечатление, что далеко не самое первое и основное, и уж совершенно точно не доминирующее. Исследовавшие единственный (sic!) сохранившийся список Судебника Ивана III Б.М. Клосс и В.Д. Назаров

пришли к выводу, что он был сделан существенно позже 1497 г. – между 1543 и 1545 г. в Новоспасском монастыре (без малого столетия спустя составления Судебника!). Они же подтвердили высказанное А.И. Плигузовым предположение, что одним из переписчиков рукописи и, вероятно, ее заказчиком, был Нифонт Кормилицын, известный церковный деятель и книжник, в то время архимандрит Новоспасской обители (которого при всем к нему уважении нельзя отнести к числу юристов-законников) (Клосс, Назаров, 2000: 55; Плигузов, 2000: 140 и след.).

Правда, историки разошлись во мнениях относительно того, насколько распространен был Судебник. Б.М. Клосс и В.Д. Назаров полагали, что этот правовой кодекс был действующим сводом права, почему Нифонт Кормилицын и его помощники, собираясь изготовить копию рукописи Судебника, могли воспользоваться несколькими вариантами протографа. Отсюда они сделали вывод, что Судебник Ивана III активно использовался в судебной системе Русского государства в первой половине XVI в. (правда, при этом они сделали оговорку, что, судя по всему, для самого Нифонта список Судебника не представлял особой значимости) (Клосс, Назаров, 2000: 67, 70, 74).

А.И. Плигузов же, напротив, подчеркивал чрезвычайную редкость Судебника к середине XVI в. (Плигузов, 2000: 143). На наш взгляд, косвенно в пользу этого утверждения свидетельствуют данные, приводимые Б.М. Клоссом и В.Д. Назаровым, которые указывали, что с 1500 (первое упоминание Судебника в актовых материалах) по 1547 (последнее указание на Судебник в источниках) годы отсылки к нему встречаются в актах около 20 раз. Распределяются при этом они следующим образом: на время правления Ивана III приходится семь случаев, на долгое правление Василия III – восемь, на начальный, великокняжеский, период правления Ивана IV – шесть. Перечислив все случаи упоминания Судебника в актовых матери-

алах, историки пришли к выводу, что широкая география и круг упомянутых в них действующих лиц позволяют утверждать, что Судебник активно использовался в судебной системе Русского государства в первой половине XVI в. (Клосс, Назаров, 2000: 69-70).

Осмелимся, однако, не согласиться – даже при условии, что сохранность актовых материалов за этот период времени явно не удовлетворительна, тем не менее, «штучность» упоминаний (на 28 лет правления Василия III всего лишь восемь случаев – раз в три-четыре года!) все равно это очень и очень немного. Это предположение косвенно подтверждает А.А. Калашникова. По ее данным, в конце XV – первой половине XVI вв. Судебник упоминается лишь в 30-ти случаях, тогда как от этого времени сохранилось 163 судебных акта (Калашникова, 2016: 288). И когда Б.М. Клосс и В.Д. Назаров, не соглашаясь с мнением А.И. Плигузова о том, что о Судебнике Ивана III не сохранилось упоминаний в архивах, указывают на запись времен начала правления Василия III, согласно которой некий судебник был выдан «царю Абделетифу» (Описи царского архива... 1960: 28), коего государь пожаловал Звенигородским уделом, то, наш взгляд, эта запись вовсе не так однозначна, как может показаться. Фраза из архивной описи «и каков ему (т.е. «царю». – Т.П.) судебник даван» может быть трактована и как указание на некий особый «судебник» (судная грамота?), которую получил от Василия III татарский династ, но совсем не обязательно как указание именно на Судебник Ивана III.

Безусловно, этот законодательный памятник использовался в судопроизводстве, но стоит ли вести речь именно о его широком распространении? Складывается впечатление, что перед составителями Судебника и перед самим Иваном III стояла задача создать не столько законодательный свод, способный заменить собой все предыдущие подобного рода установления, сколько систематизировать

и привести к некоему более или менее единому образцу уже существовавшие к тому времени правовые обычаи и традиции в одной, но важной сфере – процессуальной. И на наш взгляд, это намерение соответствовало в целом общей тенденции «накачки» «мускулатуры» власти, в том числе и в юридической сфере, и постепенного вытеснения традиционных неформализованных способов регулирования общественных отношений на периферию общественно-политической и юридической жизни.

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно попробовать сформулировать ответ на вопрос о действенности правовых норм, запечатленных в Судебнике Ивана III, и о его месте в системе русского права того периода. Был ли он тем самым законом, нормы которого действовали повсеместно и автоматически по принципу «*Dura lex sed lex*»?³ Пожалуй, что нет, не был. Как отмечал Н. Коллманн, в Русском государстве раннего Нового времени «в то время как законы утверждали примат царской юстиции, *судопроизводство и судебная практика отвечали представлениям местного населения о правосудии* (курсив мой. – Т.П.), ориентированном на поддержание целостности и стабильности сообществ, в которые это население было организовано». Эта ориентация на «глас народа» неизбежно вела к тому, что, как отмечала дальше Н. Коллманн, «в деятельности судей существовал определенный люфт, которым они пользовались, в частности, при вынесении приговоров, уравнивая свои обязательства перед законом следованием своим собственным суждениям» (согласимся, что это утверждение весьма схоже с теми, которые высказывал К.В. Петров, хотя в библиографии исследования американского историка нет работ этого российского историка). И тот факт, продолжала ис-

следовательница, что выносимые судьями приговоры не соответствовали требованиям писаного права, вовсе не является «свидетельством произвола или “незаконности” в судебной культуре, но знаком того, что судебная культура (опиравшаяся прежде всего на обычай, но не на писаное княжое право. – Т.П.) функционировала сбалансировано и исправно» (Коллманн, 2016: 24-25).

Но быть может, в таком случае права другой американский историк, Э. Коган, которая отмечала, что распространение писаного права в эпоху Средневековья было связано не только и не столько с ростом авторитета верховной власти и ее влияния (стоит сравнить этот тезис со сделанным С. Франклином наблюдением, согласно которому «записанные правила эффективны настолько лишь, насколько силен в моральном или принудительном отношении авторитет тех, кто эти правила формулирует» (Франклин, 2010: 228)). Нет, здесь на первый план выходит рост грамотности населения и постепенное расширение сферы применения письменности на все новые и новые сферы деятельности общества (и снова процитируем мнение С. Франклина: «для того, чтобы внедрилась привычка полагаться на авторитет архивных записей, иногда должно радикальным образом измениться поведение людей и их взаимоотношения» (Франклин, 2010: 228)). В результате, продолжает Э. Коган, долгое время кодификации права играли роль скорее литературных памятников, нежели действительно используемых в повседневной юридической практике документов (Cohen, 1993: 8-11). Правда, при этом она имела в виду в первую очередь кодификации права, созданные в раннем Средневековье, однако при более близком ознакомлении с историей Судебника Ивана III возникает четкое ощущение того, что эти слова могут быть в известной степени отнесены и к нему⁴. В самом деле, в конце XV –

³ Отметим, что казус 1503 г. отнюдь не единственный – аналогичный случай имел место в 1528 г. (Акты феодального землевладения хозяйства.... 1951: 194-197).

⁴ Косвенно это предположение подтверждает контекст пребывания рукописи Судебника 1497 г., из-

начале XVI в., да и много позже, старая традиция неформализованного регулирования социальных отношений за рамками складывающегося крайне медленно и постепенного легального дискурса оставалась чрезвычайно сильна и, похоже, доминировала в общественном сознании, причем на всех уровнях. И верховная власть, сама плоть от плоти этого консервативного общества, вовсе не ставила перед собой задачу слома этой традиции – нет, напротив, она стремилась опереться на нее, использовать ее в качестве фундамента, на котором она со всем тщанием выстраивала административные и правовые институты, характерные для государств Нового времени.

Литература

Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформы // Алексеев Ю.Г. Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 334–379.

Георгиевский, В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб.: Изд. Высочайше утвержденного Комитета попечительства о древнерусской иконописи, 1911. 169 с.

Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб.:

готовленной Нифонтом Кормилицыным и его помощниками, в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря. Вместе с ним в одном разделе были вписаны «шестоднев с Минеею в полдесть», «Синодик в полдесть», «книги записные кто что дал породителей своих в полдесть в тетрати, села и деревни монастырския тут же», «тетрат в полдесть в начале благословение Геронтия митрополита», «летописец избран в кратце в тетрати в полдесть», сам судебник и еще сборник «в четверть дести в начале Сенаник православный» (Георгиевский, 1911: Приложения. 18). При таком наборе текстов, собранных в одном месте с судебником, трудно согласиться с мнением Б.М. Клосса и В.Д. Назарова, что перед нами «деловая, бывшая в постоянном употреблении часть библиотеки монастыря» (Клосс, Назаров, 2000: 71). Как видно из перечня, здесь перемешана литература и хозяйственного характера, и богослужбная, и поучительная, и «историческая», и, выходит, юридическая.

Изд. Юридического книжного склада «Право», 1908. XV+509 с.

Живов, В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187–290.

Живов, В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема. Postscriptum // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 291–305.

Живов, В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.

Иванов, С.А. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина. М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.

Калашникова, А.А. К вопросу о применении норм Судебника Ивана III // Грани русского Средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2016. С. 286–293.

Кистерев, С.Н. Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в. // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2007. С. 240–261.

Кистерев, С.Н. Закон и порядок в средневековой Руси (ответ К.В. Петрову) // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 383–406

Клосс, Б.М., Назаров, В.Д. Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М.: Парад, 2000. С. 53–75.

Кром, М.М. «Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. Новое литературное обозрение. 2010. 888 с.

Леви Стросс, К. Неприрученная мысль // К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143–501.

Мельгунов, С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Москва, Издательство Товарищества И.Д. Сытина, 1907. 196 с.

Насонов, А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 554 с.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во восточной литературы. 1960. 195 с.

Петров, К.В. Значение «закона» в средневековом праве // *Cahiers du monde russe*. 2005. Vol. 46. Pt. 1/2. Pp. 167-174.

Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // *Очерки феодальной России*. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382

Петров, К.В. Судебный процесс после принятия Судебника 1497 г. // *Грани русского Средневековья*. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексея. М.: Древлехранилище, 2016. С. 294-307.

Плигузов, А.И. О списках Судебника и Духовной грамоты Ивана III // *Грани русского Средневековья*. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексея. М.: Древлехранилище, 2016. С. 137-148.

Поляк, А.Г. Историко-правовой обзор [Судебника 1497 г.] // *Памятники русского права*. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955. С. 374-313.

Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. Сб. статей. М.: «Парад», 2000. 344 с.

Судный список 1503 года суда боярина Семена Борисовича [Брюхо Морозова], данный Спасо-Евфимьева монастыря властям [старцу Александру], по делу о сожжении крестьянами Михаилом Жуком и Копосом Чернаковым монастырской деревни Ильинской // *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.* Т. II. М.: АН СССР, 1958. С. 542-543.

Типографская летопись // *Полное собрание русских летописей*. Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

Филиппов, А.Н. Народное обычное право как исторический материал // *Русская мысль*. 1886. Год 7, № 9, XIII. С. 56-71.

Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300 гг.) СПб.: Дмитрий Буланин, 2010, 552 с.

Щербатов, М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1783. 592 с.

Barkey, K. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 342 p.

Brewer, J. and Hellmuth, E. Introduction // *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press, 1999. P. 1-22.

Cohen, E. *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*. Leiden; New York: E.J. Brill, 1993. 231 p.

Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // *Past & Present*. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. Pp. 48-71.

References

Alekseev, Yu.G (1991), *Gosudar` vseya Rusi* [Sovereign of All Russia], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu.G. (2019), “The Code of Law of Ivan III. Tradition and reform”, *Gosudarstvo i pravo epokhi formirovaniya Rossijskogo gosudarstva (XIV – XV vv.)* [State and law of the era of the formation of the Russian state (XIV – XV centuries.)], Izd-vo Olega Abyshko, Saint-Petersburg, Russia, 334-379 (in Russ.).

Barkey, K. (2008), *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Brewer, J., Hellmuth, E. (1999), “Introduction”, *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*, Cambridge University Press, Oxford & New York, 1-22.

Cohen, E. (1993), *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*, E.J. Brill, Leiden, New York.

D`yakonov, M.A. (1908), *Ocherki obshhestvennogo i gosudarstvennogo stroya drevnej Rusi* [Essays on the social and state system of ancient Russia], Izd. Yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», Saint-Petersburg, Russia, (in Russ.).

Elliott, J.H. (1992), “A Europe of Composite Monarchies”, *Past & Present*, 137, “The Cultural and Political Construction of Europe”, 48-71.

Filippov, A.N. (1886), “Common usual law as historical material” *Russkaya mysl`. God 7* [Russian thought. Year 7], 9, (XIII), 56-71 (in Russ.).

Franklin S. (2010), *Pismennost`, obschestvo i kultura v Drevnej Rusi*, [Writing, Society and Culture in Early Rus], Dmitrij Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Georgievskij, V.T. (1911), *Freski Ferapontova monasty`rya* [Frescoes of the Ferapontov Monastery], Publishing House of Vy`sochajshe utverzhdenyj Komitet

popечitel'stva o drevnerusskoj ikonopisi, Saint-Petersburg, Russia, (in Russ.).

Ivanov, S.A. (2003), *Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li iz varvara sdelat' khristianina* [Byzantine missionary work: Is it possible to make a Christian a barbarian], *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia (in Russ.).

Kalashnikova, A.A. (2016), "On the application of the norms of the Judicial Code of Ivan III", *Grani russkogo Srednevekov'ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev], *Drevlehranilische*, Moscow, Russia, 286-293. (in Russ.).

Kisterev, S.N. (2007), "The Grand Ducal Codex of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century", *Ocherki feodal'noj Rossii. Vypusk 11* [Essays on feudal Russia], *Al'yans-Arheo*, Saint-Petersburg, Russia, 11, 240-261 (in Russ.).

Kisterev, S.N. (2008), "Law and order in medieval Russia (answer to K.V. Petrov)", *Ocherki feodal'noj Rossii. Vypusk 12* [Essays on feudal Russia], *Al'yans-Arheo*, Moscow, Saint-Petersburg, Russia, 12, 383-406 (in Russ.).

Kloss, B.M., Nazarov, V.D. (2000), "Sudebnik 1497: manuscript and text", *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI – XIX vv.* [The Code of Law of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the XI-XIX centuries], *Parad*, Moscow, Russia, 53-75 (in Russ.).

Krom, M.M. (2010), *Vdovstvuyushhee царство: politicheskij krizis v Rossii 30 – 40-kh godov XVI veka* [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s – 40s of the 16th Century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia (in Russ.).

Levi-Stross, K. (2008), "La Pensée sauvage", *Totemizm segodnya. Nepriuchennaya mysl'* [Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage], *Akademicheskij proekt*, Moscow, Russia, 143-501 (in Russ.).

Mel'gunov, S.P. (1907), *Tserkov' i gosudarstvo v Rossii (k voprosu o svobode sovesti)* [Church and state in Russia (on the issue of freedom of conscience)], Publishing house of Tovarischestvo I.D. Sytina, Moscow, Russia (in Russ.).

Nasonov, A.N. (1969), *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [The history of Russian chronicles of the XI - beginning of the XVIII century. Essays and Studies], *Nauka*, Moscow, Russia (in Russ.).

Opisi czarskogo arhiva XVI veka i arhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda [Inventories of the royal archive of the 16th century and the archive of the Ambassadorial order of 1614] (1960), *Izd-vo vostochnoj literatury*, Moscow, Russia (in Russ.).

Petrov, K.V. (2005), "The meaning of "law" in medieval law", [*Cahiers du monde russe*], 46, Pt. 1/2, 167-174 (in Russ.).

Petrov, K.V. (2008), "Did Sudebnik in 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S.N. Kisterev "The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")", *Ocherki feodal'noj Rossii* [Essays on feudal Russia], *Al'yans-Arheo*, Moscow, Saint-Petersburg, Russia, 12, 365-382 (in Russ.).

Petrov, K.V. (2016), "The trial after the adoption of The Code of Law of 1497", *Grani russkogo Srednevekov'ya. Sbornik statej k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva* [Facets of the Russian Middle Ages. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Yuri Georgievich Alekseev *Drevlehranilische*, Moscow, Russia, 294-307. (In Russian)

Pliguzov, A.I. (2000), "About the lists of The Code of Law and the Testament of Ivan III", *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI – XIX vv.* [The Law Code of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the XI-XIX centuries], *Parad*, Moscow, Russia, 137-148 (in Russ.).

Polyak, A.G. (1955), "Historical and legal review (The Code of Law of 1497)", *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law], *Gosyurizdat*, Moscow, Russia, 3, 374-313 (in Russ.).

Scherbatov, M.M. (1783), *Istoriya Rossijskaya ot drevnejshikh vremen T. IV. Ch. 2.* [Russian history from ancient times], vol. IV, part 2, *Imperatorskaya Akademiya nauk*, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI – XIX vv. Sb. statej [The Law Code of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the XI-XIX centuries. Collected papers] (2000), *Parad*, Moscow, Russia, (in Russ.).

"The court list in 1503 of the court of the boyar Semyon Borisovich [Brukho Morozov] given to the Spaso-Evfimiev monastery by the authorities [elder Alexander] in the case of the burning by the peasants Mikhail Zhuk and Kopus Chernakov of the monastery village Ilyinskaya]", *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-*

Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. T. II. [Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia of the late 14th – early 16th century. Vol. II.] (1958), AN SSSR, Moscow, Russia, 542-543 (in Russ.).

“Typographical Chronicle” (2000), *PSRL*, T. XXIV [Complete collection of Russian chronicles. Vol XXIV], Yazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia, (in Russ.).

Zhivov, V.M. (2002), “Features of the reception of Byzantine culture in ancient Russia”, *Razy'skaniya v oblasti istorii i predy'storii russkoj kul'tury`* [Investigations in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazy`ki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia, 73-115 (in Russ.).

Zhivov, V.M. (2002), “The history of Russian law as a linguosemiotic problem”, *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury`* [Investigations in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazy`ki slavyanskoj kul'tury. Moscow, Russia, 187-290 (in Russ.).

Zhivov, V.M. (2002), “The history of Russian law as a linguosemiotic problem. Postscriptum”, *Razy'skaniya v oblasti istorii i predy'storii*

russkoj kul'tury [Investigations in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazy`ki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia 291-305 (in Russ.).

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatiana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; penskaya@bsu.edu.ru